

ЛИБЕРАЛЬНЫЙ ОБНУЛИТЕЛЬ

Основатель европейской "Новой правой" Ален де Бенуа утверждает: "Что касается момента, который мы переживаем сейчас, то деление на правых и левых во многом утратило всякий смысл. Либерализм сместил этикетки и перепутал все ярлыки. Те политики, которые считали себя правыми, сместились в сторону либерализма и защищают в настоящее время либеральную власть, в то же время статусные левые везде, вплоть до Франции, тоже откатились на либеральные позиции.

Поэтому сейчас говорить о непримиримом противостоянии правого и левого не имеет смысла. Для эпохи модерна было справедливо, что существовал какой то водораздел, иногда в форме раскола, между правыми и левыми. Но это всегда были правые, во множественном числе, и левые, во множественном числе, а не левая и правая части спектра.

Всегда были очень разные правые и очень разные левые. Но что касается сегодняшнего дня, с приходом эпохи постмодерна главное деление утратило смысл. Сейчас я не определяю себя как правого мыслителя. Я ишу и в правой, и в левой идеологии какие то здоровые идеи".

Безусловно, либерализм — это такой огромный Ноль, который ничтожить все идеологии. Например, в Греции левый А. Ципрас "внезапно" стал пособником МВФ и ЕС. А в Венгрии крайне правая партия "Юоб-бик" так же "внезапно" стала поддерживать леволибералов, играя на руку Д. Соросу.

В принципе, либерализм — это такая нулевая идеология, которая стремится свести Правую и Левую к некоему обнулению, обесцениванию и, можно даже сказать, к "оцифрованию" (весьма показательно, что глобальный Транснационал сегодня как раз предлагает так называемое Великое обнуление). По сути, мы имеем дело с идеологией тотального обмена, тотальной измены, тотального обмана. Левое легко меняется (продаётся) на Правое.

КРУГОМ ИЗМЕНА, ОБМЕН И ОБМАН

К этому и вело всё развёртывание — всех идеологий модерна, возникших в результате "великих буржуазных революций". Они ставили своей целью не просто изменение реальности (реальность менялась и до этого), но превращение её в пространство постоянного изменения, тотального обмена. Речь шла не только и даже не столько о том, чтобы сменить существующий строй — смена традиционного строя нужна была для того, чтобы оправдать и узаконить возможность любых изменений.

Со времён "великих буржуазных революций" процесс изменения становился всё более радикальным. Сначала можно было менять правителей. Потом стали менять целые страны. В прошлом веке стало принято служить другим государствам — в том случае, если они придерживаются "правильной", "передовой" идеологии. Именно такую практику вели ведущие идеологии: коммунизм, либерализм и фашизм (нацизм). Конечно, уравнивать данные системы нельзя, прежде всего, в морально-этическом плане. Но не признавать влияние некоего общего фактора просто невозможно.

Советские коммунисты требовали служить "отечеству пролетариата" — СССР; либералы побуждали своих симпатизантов служить странам западной демократии; нацисты активно формировали колонны коллаборационистов. И всё это национал-преда-

го: "В начале сотворил Бог небо и землю. Земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездною, и Дух Божий носился над водою" (Быт. 1.1-2.). Для этого, собственно говоря, и затеваются все перманентные изменения: они нужны для того, чтобы пробудить древний хаос, чьим символом (реально содержащим символизируемое) как раз и является рынок. И хаотическое "Великое обнуление" необходимо для того, чтобы создать из хаоса свой собственный мир, в котором, как верят инициаторы хаоса, они почувствуют себя настоящими богами.

Онтологические ревизионисты изрядно преуспели: ныне на нашей планете прозит взять верх реальность, которая символизирует этот самый "досветовой", изначальный хаос. Но им и этого мало — надо, чтобы весь мир объединился и официально признал эту самую реальность как настоящую. Тогда человечество откажется от тварного мира. И его воля будет учтена свыше — тем образом, который никак не входит в планы адептов Хаоса.

КОНСЕРВАТИВНО-РЕВОЛЮЦИОННОЕ "ОТРИЦАНИЕ ОТРИЦАНИЯ"

Понятно, что многим консерваторам претит (пусть и подсознательно) любая идеология. Они пытаются удалиться от всех идеологий, найти некую точку неизменности. И это хорошо удаётся тем, кто принципиально не желает заниматься поли-

ственный орган власти ЕС, избираемый напрямую населением) не имеет права на законодательную инициативу. Оно принадлежит только Еврокомиссии.

И процесс этот начался не сегодня. В 1975 году видные западные интеллектуалы (С. Хантингтон и др.) составляют доклад "Кризис демократии", написанный по заказу одного из центров мондиализма — "Трёхсторонней комиссии". В нём прямо указывается на то, что демократия (как, впрочем, и государство социального благосостояния) начинает угрожать правящей верхушке. Никакой внешней угрозы, по мнению авторов, нет, но есть угроза внутренняя, исходящая из динамики развития демократии. "Выход: необходимо способствовать невовлечённости (noninvolvement) масс в политику, развитию определённой апатии, — пишет А.И. Фурсов. — Надо, мол, умерить демократию, исходя из того, что она — лишь способ организации власти, причём вовсе не универсальный" ("Рукотворный кризис").

Однако вернёмся к теме консервативно-революционного синтеза. Консервативный революционер вторгается в чуждые ему идеологии, меняет их (точнее, обращает вспять процесс обмена) и обещает в собственном синтезе. И там они уже служат не модерну, но именно Традиции. Товарищество перестаёт отягощать Идею, которая начинает дышать Вечностью, а не вещностью. Консервативная революция опирается на контридеологию, которой только и может быть Метаидеология консервативно-революционного синтеза.

Александр ЕЛИСЕЕВ

ОТВЕТ НА ВЫЗОВ ПОСТМОДЕРНА

Записки консервативного революционера

КОРИЧНЕВЫЙ СОБЛАЗН

Первым и, пожалуй, единственным эту технологию задействовал Гитлер. Обладая каким-то невероятным чутьём, он сумел вырвать из лап модерна левый социализм, использовав его для нужд правого национализма. Результат был потрясающим. Пока "старые правые" недовольно бурчали о поруганной Германии и бросали декларативные фразы о национальном величии, Гитлер пришёл к власти — без особых потрясений, как и полагается правому. Но он же вступил в противоречие с правым, национальным социализмом, выдвинув глобалистскую по сути идею мирового господства. Причём это господство во многом воспринималось как завоевание жизненного пространства для миллионов немцев, которых Гитлер хотел сделать нацией всемирных бюргеров-хозяев. И вот здесь он уже попал под влияние глобального рынка с его экономическим детерминизмом. Национальный социалист "переродился" в буржуазного глобалиста.

Во многом это стало возможным потому, что Гитлер отказался "удушить в объятиях" либерализм. Он попытался удушить его в концлагерях. А с идеологиями такие вещи не проходят — слишком уж они сложны для "полицейских". В результате либерализм незаметно проник в сознание национал-социалистической элиты, не получившей прививки от этой идеологической чумы. Элита стала мыслить категориями транснациональной олигархии, рассматривающей весь мир как сферу тотального обмена. И, что показательно, Гитлер готов был поменять Германскую национальную империю на мировое господство, которое неизбежно носит космополитический характер. Не случайно же он пророчил: "Я пользуюсь идеями нации и государства по соображениям текущего момента. Но я знаю временную ценность этих идей. Придёт день, когда даже у нас в Германии мало останется от того, что мы называем национализмом. Над всем миром встанет всеобщее содружество хозяев и господ". Да, всемирный союз "хозяев" (обратим внимание — у Гитлера они стоят перед "господами!") — это тот идеал, к которому сегодня стремятся транснациональные корпорации (ТНК), которые использовали для этой цели неведомо-видных "господ" из американского Белого дома. В этом плане гораздо предпочтительнее выглядит линия О. Штрассера, который соединял национальный социализм с "национальным плюрализмом", предполагавшим спокойную и продуктивную дискуссию всех патристических сил.

Бывший советник фюрера Г. Раушнинг, неоднократно общавшийся с Гитлером в 30-е годы, приводит его взгляд на судьбы мира и человечества: "Творение ещё не завершено, по крайней мере, в том, что касается живого существа по имени человек. С биологической точки зрения человек стоит на распутии. Уже начинает обрисовываться новая человеческая разновидность... Тем самым прежняя разновидность людей неуклонно приходит к биологической стадии вырождения... Но вся творческая сила уже кондентируется у новых людей. Обе разновидности быстро развиваются в противоположных направлениях. Первую разновидность я бы назвал скотомассой, вторую — Богочеловечеством... Мы не капитулируем никогда. Может быть, мы погибнем. Но мы возьмём с собой весь мир".

Коричневый глобализм был основан на арийском мифе, который и лёг бы в основу "нового мирового порядка" — по Гитлеру. При этом само "арийство" трактовалось нацистами весьма своеобразно и расширительно. Так, когда было нужно, арийцами объявлялись ченечевы, в то же самое время русских объявляли "интерменскими". Вообще, арийство понималось как нечто очень и очень brutальное, синонимичное сверхчеловеческому. Нацистские лидеры обожали

философию Ф. Ницше, который призывал людей отказаться от человеческого и достичь уровня сверхчеловека (вот и один из истоников трансгуманизма). Его прямо таки вожделем Гитлер, уверявший Г. Раушнинга: "Новый человек живёт среди нас! Он здесь!.. Вам этого достаточно? Я открыю вам тайну. Я видел нового человека, бесстрашного и жестокого. Я трепал перед ним".

Показательно, что любимый философ Гитлера был убеждённым противником любого национализма. И понятно почему: ведь преодолеть человеческое, значит преодолеть, в том числе, и национальное, которое лежит в основе социального бытия всех людей. Гитлер стремился именно к этому, используя национализм всего лишь как прикрытия.

Гитлер позиционировал себя как эстатист и сторонник сильной национальной имперской государственности. Но это, опять же, делалось на публику. Превыше государства (и даже нацистской партии) Гитлер ставил наднациональный орден СС, который "...должен был превратиться в замкнутую корпорацию, государство в государстве. Члены ордена должны были подпадать только орденской юрисдикции, повиноваться только орденским законам. Планировалось создать города и селения ветеранов СС по всему миру, как колонии в человеческом мире. В конце концов, планировалось даже образование особого эсэсовского государства на территории древней Бургундии. В своей речи весной 1943 года рейхсфюрер СС Г. Гиммлер выска-

злся по этому поводу следующим образом: "На мирной конференции мир узнает о воскрешении древней Бургундии. Эта страна, бывшая когда то землёй наук и искусств, была сведена Францией до уровня заспиритованного придатка. Суверенное государство Бургундия, со своей армией, законами, монетой, почтой, станет образцовым государством СС. В неё войдут Романская Швейцария, Шампань, Франш-Конте, Эно и Люксембург. Официальным языком будет, разумеется, немецкий. Править будет только СС, Национал-социалистическая партия не будет иметь в Бургундии никакой власти. Мир будет потрясён и восхищён государством, где будут применены наши концепции". (Ганс-Ульрих фон Кранц. "Аненербе. "Наследие предков". Секретный проект Гитлера").

Собственно, вряд ли с Гитлером могло быть что то иное. Он думал не столько о синтезе, сколько о прагматическом, по сути — рыночном, использовании социализма (при отказе от использования либеральных идей).

Между тем метаполитика — превыше политической выгоды.

Контрреволюция должна быть тотальной и охватывать все сферы политического, все идеологии (в их разных версиях). Но при этом следует избегать эклектики, которая предполагает бессистемное (хаотическое) смешение разных идей и стилей. Таковая, к слову сказать, и погубила "лимоновский" национал-большевизм, апеллировавший без разбора к самым разным политическим традициям — от фашизма и маоизма до анархизма и либертарианства.

В целом же надо иметь в виду, что ни одна из идеологий не способна бросить вызов трансгуманистической идеологии траснационального постмодерна. Все они так или иначе находятся в поле последнего. Ответить на постмодернистский вызов можно, только создав антиидеологическую сверхидеологию. Метаидеологию.

Александру Елисееву — 50! Дорогой Александр Владимирович, поздравляем с юбилеем! Сил, здоровья, новых идей, концепций и книг! Многая лета!

Редакция «Завтра»

ТАК АЛГОРИТМ — ДЛЯ РОБОТОВ

ГОВОРIT ГИРЕНOK

Нужен ли этический кодекс искусственному интеллекту?

ЭТИКА — это правила поведения человека в галлюцинаторном мире. Я начну обсуждение этического кодекса с отношения человека к животным. Как мы относимся к животным? Мы к ним относимся как к природе. Мы по одну сторону, они — по другую. Они — это "физио", мы — это субъективность. Они живут в вечности, мы — во времени. Что из этого следует? То, что животные умирают, но у них нет смерти. У нас есть смерть, но мы сингулярны. То есть повторить нас ещё раз вселенная не может. Для этого недостаточно полноты взаимодействия всех её субстанций и причин. Что для этого ещё нужно? Для этого должно случиться невозможное: извлечение человека самого себя из галлюцинации. Но вселенная не производит галлюцинации. Причина их существования коренится в человеке. Только сегодня мы поняли, что не труд создал человека, а воображение. Тогда как животному, чтобы быть, достаточно природы, то, чтобы сработал его генетический код.

Животные обживают пространство, они умеют размечать территорию, оставляя повсюду части своего себя: пот, слюну, шерсть, фекалии и т.д. Человек живёт за пределами природы во времени, собирая себя из того, чего нет, но что дано ему воображением. Мудрый Кант не советовал людям уподоблять себя животным и оставлять пространству части самого себя, полагая, что это было бы бессмысленной тратой человеческих сил.

Как же нужно тому, кто живёт во времени, относиться к тому, кто живёт в пространстве? С животными, говорил ДеЛёз, нужно иметь животные отношения. И я с ним согласен. Добавлю лишь, что только с человеком нужно иметь человеческие отношения, хотя люди могут быть хуже животных. Между человеком и животным не может быть человеческих отношений, ибо человеческие отношения двусторонни. Отношение к животным определяется не моралью, а природой. Но это не значит, что нужно выдёргивать из овец шерсть, как когда-то делали в Ирландии. Их можно просто стричь. И не надо крепить плуг к хвостам лошадей, ибо их можно запрыгать.

Равным — равное, неравным — неравное. У животного патологическая зависимость от внешней среды. Зимой в тайге они могут мёрзнуть, но из сострадания к ним мы не можем отапливать тайгу. Животные чувствуют боль. Но что из этого следует? То, что это у них чувство встроено в пищевую цепочку биосферы, где всегда кто-то кого-то ест. Люди без мяса, говорил Шопенгауэр, будут страдать больше, чем животные, которых ведут на бойню. Была одна страна в Европе, которая почти преодолела разделение людей и животных. Это нацистская Германия. В ней запретили охоту на животных и поощряли вегетарианство. Но часть людей приравнивалась к крысам и свиньям, тогда как другая часть равнялась волкам и орлам.

ЧЕЛОВЕК всегда свободен, даже тогда, когда не отделяет себя от природы. Конечно, животное — это не насекомое. Неправедливо относиться к людям как к насекомым, к насекомым, к животным, как к насекомым, и наоборот, к насекомым — как к животным. Отношение человека к насекомым не регулируется правилом.

По отношению к домашним животным нужно придерживаться правил. Прежде всего, домашнее животное — это дрессированное животное. Но дрессировка не отменяет инстинкт. К домашним животным нельзя относиться так, как дети относятся к игрушкам. Как дети относятся к игрушкам? Они относятся к ним как к объектам воображаемого. Куклы подтверждают правило, которое гласит, что человек всегда больше, чем один, если даже он один. В игре дети обживают мир призраков. Для них это зона привыканий. Здесь у них появляется привычка видеть то, чего нет. Поэтому по отношению к игрушкам у человека нет никаких моральных обязательств. Хочешь — играешь, не хочешь — не играешь с куклами. Вырос — выбросил их. Остальное инфантилизм. И главное человеку не пропустить период взросления. Вот и все обязательства. Животные — это не куклы, хотя люди иногда относятся к ним, как дети к куклам. Разговаривают с ними и обихаживают на них.

Можно ли издеваться над животными? Нельзя. Но не потому, что они переживают боль, не потому, что у них есть сознание, а по педагогическим соображениям. Издеваться — значит унижать. Животное нельзя унижить. Издевательство указывает на неустраиваемые изъяны в природе человека. Этот изъян Кант назвал асоциальной социальностью. Всё остальное — предрасудки учёных. У нас нет перед животными моральных обязательств. Нельзя уважать лошадь за то, что она лошадь. Но и убивать её из-за того, что она потребляет кислород и выделяет углекислый газ, тоже нельзя. Не нами установлен круговорот веществ в природе. Пусть сохранилось то, что имеет причину в себе, а не в нас.

Зачем была придумана биоэтика? Затем, чтобы доказать, что у нас есть моральные обязательства перед нашим телом. Но тело — это природа. Какие могут быть обязательства у нашего я, если это я существует лишь как обозначение того, чего нет в природе? Тот, кто встроен в инстинкт, не может иметь права.

Мы с телом единое существо. Это единство даёт нам чувство самого себя. Пригодилась ли нам биоэтика во время пандемии? Нет. О ней даже никто и не вспомнил. Делать мне прививку или не делать, решает не биоэтика, а власть. Но чувство свободы выше всякой власти. Биоэтику учредили для того, чтобы преодолеть разрыв между миром природы и миром свободы. Что лежит в основе этой попытки? Идея тождества субстанции и субъекта. Что это такое? Это то же самое, что и преодоление разрыва между животным и человеком. Что стала делать биоэтика? Растворять субъект в субстанции, ибо перепрыгнуть пропасть между природой и субъективностью невозможно. Чтобы замаскировать эту невозможность, биоэтика пытается определить границу технического отношения к нашему телу. Может ли кремний заменить углерод в нашем организме? Может, если при этом сохраняется организм. Биоэтика не знает, что органика хороша тем, что может галлюцинировать. А кремний не может. Кремниевые технологии не знают, что им делать с галлюцинациями человека. На самом деле предел технического отношения человека к самому себе состоит в требовании сохранить художника в человеке и в посткарбонную эпоху, ибо человек рождается художником, а не скотомодом.

ТЕПЕРЬ ОБ ЭТИЧЕСКОМ КОДЕКСЕ для искусственного интеллекта. Этот кодекс возникает в головах напуганных алгоритмом интеллектуалов. Они не знают, как им жить в мире умных вещей и как им сохранить свою субъективность в приватизированной нечеловеческим интеллектом когнитивности. Когнитивным машинам не нужен машинист: редактор, учитель, дизайнер. Текст редактирует себя сам, но хотим ли мы, чтобы компьютер правил наши мысли? Мы, видимо, плохо понимаем, чем сознание отличается от интеллекта. Органический интеллект — это мозг и нейронные сети. Этот интеллект — продукт эволюции. Что он может делать? Он может обеспечивать отношения организма к окружающей среде. Этим всё и ограничивается. Глупо думать, что мозг — это сознание. Мозг — это не сознание, а машина, рассылающая свои электрические сигналы по всему организму. Сознание — это не электричество. А что это? Это способ, которым человек учреждает своё существование во времени. Давайте послушаем опять Канта, который говорит, что разум — это способность человека расширять свои цели за пределы природного инстинкта. То есть сознание — это расширение человеком реальности за пределы природы. Интеллект считает и подписывает, сознание расширяет реальность, вот в этом и состоит их отличие. Что не может делать органический интеллект? Он не может реагировать на то, что находится за пределами природы, на сверхъестественные вещи. Чтобы эти вещи возникли, нужно гре- зить, воображать. Наш мозг плох тем, что он не видит различия между объектом грёз и предметом чувственного восприятия, символом и вещью, между вещью и её тенью. А это значит, что естественный интеллект не может и никогда не сможет поставить цели и принять решения. Почему не может? Потому что у него нет способности суждения. Способности суждения нет у многих людей. В чём состоит эта способность? Она состоит в том, чтобы найти такое общее, к которому можно было бы подвести что-то конкретное. Способность суждения должна быть у программиста или у владельца технического изделия, прошедшего машинное обучение. А если у них нет этой способности суждения, то для них нужно разрабатывать не этический, а уголовный кодекс.

В столкновении искусственного интеллекта с человеком всегда прав человек. Реализация этих прав и должна быть закреплена в уголовном кодексе. Если автопилот самолёта ошибся и погибли люди, то уголовному, а не этическому наказанию должен быть подвергнут владелец самолёта и разработчики программ машинного обучения.

Искусственный интеллект, как и насекомые, нельзя сделать домашним. Почему? Потому что для него не существует звука, цвета и запаха. Поэтому нельзя превращать искусственный интеллект в сказочный образ, репрезентирующий человеческие отношения. Искусственный интеллект потому и искусственный, что он не имеет никакого отношения к психическому. А психическое, в свою очередь, не имеет никакого отношения к сознательному.

Этика искусственного интеллекта невозможна по простым соображениям. Прежде всего искусственное — это не существо. Это то, что сделано. То, что сделано, не мыслит. У него нет ни сознания, ни прав. Оно должно иметь почтение к тому, что растёт. То, что не имеет воли, находится вне морали и вне социума. Искусственное может быть изделим, машиной. Ни о какой интеграции инженерной системы в общество не может быть и речи. Ибо машину можно интегрировать только в систему машин. Поэтому не существует никаких моральных проблем во взаимодействии человека с машиной.

Любой искусственный интеллект, обнаружив в себе изъян, должен самоликвидироваться, и его разработчики не имеют права морочить голову людям.

Чем хорош искусственный интеллект? Тем, что он показал, что ничего человеческого нет в том, что обычно делают люди, ибо делают они работу алгоритмическую. Алгоритм — для роботов, а человеку — не алгоритмизуемое. Оказывается, что даже право на труд — это теперь не ценность, а способ дрессировки человека социумом. То есть человек ещё не был человеком. А был простой социальной сущностью, которую легко может заменить инженерный искусственный интеллект. Что это значит? Это значит, что аффект является последней территорией человеческого и человеку ещё предстоит стать человеком.

Фёдор ГИРЕНOK